

УДК 94(47).084.9''1985/1991''

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В СССР ПЕРИОДА ПЕРЕСТРОЙКИ
В ОТРАЖЕНИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ
(НА ПРИМЕРЕ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ)**

© 2025 Е. Л. Моисеев

*аспирант кафедры истории России
e-mail: zhenya.moiseeff2017@mail.ru*

Курский государственный университет

Статья посвящена особенностям освещения межэтнических и межнациональных конфликтов периода перестройки (1985–1991 гг.) в региональных СМИ. На примере Курской области, напрямую в них не задействованной, автор стремится показать, как население Советского Союза, по мнению руководства страны, должно было воспринимать и как оно в реальности воспринимало эти кровавые события. Автор рассматривает различные аспекты национального вопроса в СССР и приходит к выводу, что не только замалчивание связанных с ним проблем, но и резкое изменение информационной политики государства может быть чревато непредвиденными последствиями.

Ключевые слова: перестройка, СССР, межнациональный конфликт, СМИ, политика, периодическая печать.

**NATIONAL ISSUE IN REGIONAL SOVIET MASS MEDIA
DURING THE PERESTROIKA (ON THE MATERIALS OF THE KURSK REGION)**

© 2025 E. L. Moiseev

*Postgraduate student at the Department of Russian History
e-mail: zhenya.moiseeff2017@mail.ru*

Kursk State University

This article is devoted to the features of interethnic and international conflicts coverage in regional mass media during the Perestroika (1985–1991). Using the example of the Kursk region, which is not directly involved in them, the author aims to show how soviet people, according to the country's leadership opinion, should have perceived, and how they actually perceived these bloody accidents. The author examines various aspects of the national issue in the USSR and concludes that not only hushing up such problems, but also a sharp change in state information policy can be fraught with unforeseen consequences.

Keywords: Perestroika, USSR, international conflict, mass media, policy, periodical press.

Проблема межнациональных отношений в Советском Союзе на протяжении всей его истории была во многом двойственной: с одной стороны, национальный вопрос, особенно в 1960–1970-е гг., в стране считался окончательно решенным, с другой

стороны внезапные его обострения каждый раз заставляли руководство страны и рядовых граждан задумываться о правильности выбранного подхода, имеющихся в нем изъянах, заложенных как на начальных этапах формирования советского государства, так и в принятых впоследствии нормативно-правовых актах.

Еще в годы революции и Гражданской войны большевикам необходимо было сформировать новую, достаточно прочную основу взаимоотношений между нациями и народностями, ранее входившими в состав Российской империи. Поскольку сторонники В.И. Ленина придерживались убеждения о том, что империалистические устремления царской власти, принципы «великорусского шовинизма» легли в основу политики угнетения «иностранцев», превратили Россию, по его выражению, в «тюрьму народов» [19, с. 66], делать какую-либо нацию титульной они не могли по определению. Новое советское государство, как они полагали, должно было быть построено на принципах интернационализма, а одной из основных его целей должно было являться содействие развитию всех культур и этносов [Там же, с. 69]. В связи с этим и возникла необходимость формирования особой, наднациональной общности, которая не только сгладила бы культурные различия между ними, но и стала бы примером для всего остального мира [15, с. 122].

Понятия «советский народ», «советское общество», «советский человек», впервые появившиеся еще в годы Гражданской войны, стали часто фигурировать в материалах средств массовой информации (СМИ), публичных выступлениях руководства РКП(б) (с 1925 г. – ВКП(б); с 1952 г. – КПСС) [17, с. 2]. Несмотря на противоречивую политику «коренизации» 1920-х гг., последующий отход от нее и возвращение ряда элементов имперской национальной политики во время Великой Отечественной войны, депортации целых народов конца 1930-х – 1-й половины 1940-х гг., поднявший голову на фоне арабо-израильского конфликта бытовой антисемитизм 1950–1970-х гг. и периодически вспыхивавшие в СССР межэтнические споры (погром в Темиртау 1959 г., «Абхазские события» и Чимкентский бунт 1967 г., столкновения в Степанакерте 1968 г., демонстрации в Вильнюсе и Тарту 1977–1978 гг. и др.), руководство СССР старалось поддерживать межнациональный мир и не допускать разрастания существующих противоречий до масштабов союзных республик или всей страны в целом [15, с. 122–124].

В преамбуле принятой в 1977 г. Конституции СССР указывалось, что советская власть навсегда покончила с национальной враждой, само государство стало общенародным, где дружеские связи различных народов с каждым годом лишь крепили. «В СССР построено развитое социалистическое общество... Это – общество зрелых социалистических общественных отношений, в котором на основе сближения всех классов и социальных слоев, юридического и фактического равенства всех наций и народностей, их братского сотрудничества сложилась новая историческая общность – советский народ...» [16].

Подобный подход к «решению» национального вопроса в СССР устраивал как руководство партии, так и большинство населения. Последнее, к слову, не предпринимало каких-либо значимых усилий к тому, чтобы изменить данную ситуацию. А проводимые националистическими силами в республиках шествия, митинги не способны были набрать большое количество сторонников (максимальные цифры не превышали 5–7 тыс. чел., в среднем же данный показатель не доходил и до 1 тыс.), с помощью которых они могли бы получить от власти некоторые уступки или же вовсе добиться независимости от Советского Союза. Исследователи связывают это, с одной стороны, с относительным экономическим благополучием в большинстве советских республик, достигнутым к 1960–1970-м гг., с другой – с широкими возможностями государства по контролю за освещением текущих событий и разного рода происшествий

в СМИ, а также применению репрессий и силового аппарата на местах для подавления всевозможных националистических движений [15, с. 123–124].

Однако в годы перестройки ситуация начинает резко меняться. И что наиболее интересно, свой вклад в усиление межнациональных противоречий равным образом внесли как вышедшие из подполья националисты, так и неоднозначные решения Политбюро ЦК КПСС [20, с. 65–67]. Ярким примером последнего может служить «Желтоксан» – массовые протесты в столице Казахстана, вызванные заменой первого секретаря местной компартии Д.А. Кунаева на бывшего главу Ульяновского обкома КПСС Г.В. Колбина, русского по национальности, который никогда ранее не жил и не работал в Казахской ССР и даже не знал казахского языка.

19 декабря 1986 г. в «Курской правде» была напечатана небольшая заметка с названием «Сообщение из Алма-Аты», дословно цитировавшая материал ТАСС. В ней говорилось, что 17–18 декабря группа учащейся молодежи, «подстрекаемая националистическими элементами», вышла на улицы города, чтобы оспорить решение Пленума ЦК Компартии Казахской ССР. «Сложившейся ситуацией воспользовались хулиганствующие, паразитические и другие антиобщественные лица, допустив противоправные действия в отношении представителей правопорядка, а также учинив поджоги продовольственного магазина, личных автомобилей, оскорбительные действия против граждан города». Заканчивалась статья тем, что действия указанной группы единогласно осудили все партийные и общественные организации, а также призвали принять меры к скорейшему восстановлению порядка в городе [25, с. 3].

Даже из этого, довольно скудного, сообщения ТАСС читатель мог вычленить определенные моменты, которые позволяют сформировать для себя примерную картину произошедшего. Во-первых, ранее сведения о каких-либо националистических движениях в Советском Союзе в СМИ попросту отсутствовали, затрагиваться подобные темы могли лишь в колонках, посвященных глобальным политическим событиям или истории зарубежных государств. Теперь же читатель главной областной газеты мог воочию убедиться в том, что нечто подобное существует и в СССР и даже способно оказывать влияние на общественные настроения. Во-вторых, фрагмент статьи, посвященный порче имущества, погромам на улицах Алма-Аты в ходе протестов, может натолкнуть человека на мысль, что отнюдь не только упомянутое выше назначение Г.В. Колбина стало их причиной, – имелись, по всей видимости, и другие, более важные предпосылки к «декабрьскому восстанию», а данное решение Пленума ЦК Компартии Казахской ССР стало лишь поводом. В-третьих, часть про «применение решительных мер к хулиганам и восстановление полного порядка в городе» говорит нам о том, что протестующим удалось на время парализовать если не всю столицу Казахстана, то весьма значительную ее часть. И в-четвертых, было понятно, что требования граждан удовлетворены не были, вместо этого участники протеста были приговорены к тюремному заключению или понесли административные наказания [Там же].

В традициях 1960–1970-х гг. в рубрике той же газеты продолжали описывать многие международные события, в том числе и арабо-израильский конфликт. Нам он интересен тем, что здесь довольно тесно переплетаются национальный фактор и внешнеполитические интересы государств, напрямую в нем не участвующих. Несмотря на то что арабы и евреи – это различные ветви семитской языковой группы, те противоречия между ними, которые накопились с момента начала первой алии вооруженных конфликтов 2-й половины XX в., привели к тому, что с обеих сторон появились сторонники жесткой национальной политики, зачастую граничащей с геноцидом. Довольно однобоко советской прессой трактовались, к примеру, последствия аннексии Израилем Голанских высот в 1981 г. В заметке «Лишенные

родины. Сионизм у позорного столба», опубликованной в «Курской правде» 21 декабря 1986 г., неоднократно подчеркивался агрессивный характер «американо-израильской экспансионистской политики» по отношению к жившим здесь сирийским гражданам: это и разрушение до основания целых городов и деревень, и навязывание израильских удостоверений личности, и расправы военных с мирными жителями по тем или иным причинам... Сводилось все к тому, что «официальный Тель-Авив был одержим идеей создания “Великого Израиля”, ввиду чего и действовал столь варварским способом» [26, с. 3]. Таким образом, место национальных противоречий на Ближнем Востоке, со всей их сложностью и неоднозначностью подходов к возможному решению, здесь фактически занимала довольно топорная пропаганда, где интересы различных народов подменялись текущими политическими задачами сверхдержав.

События 1988–1989 гг. на Кавказе, такие как Сумгаитский погром и последовавшая за ним 1-я Карабахская война между Арменией и Азербайджаном, «Трагедия 9 апреля» в Тбилиси, столице Грузинской ССР, вызвавшие бурную реакцию общественности по всему СССР, в Курской области детально освещать и обсуждать не стали. Узнать о них местные жители могли из передач всесоюзного телевидения [21] или из передовиц главных советских газет [22, с. 1]. Среди причин такого поведения региональных издательств и телерадиокомитетов можно назвать, во-первых, сложившуюся за долгие годы практику замалчивания неудобных событий и фактов внутренней жизни СССР, прямых запретов Главлита на их публикацию и обсуждение, которая после провозглашения политики «гласности» в 1987 г. в центральных СМИ стала уходить в прошлое, но в случае с их аналогами на местах задержалась еще на несколько лет; во-вторых, нежелание представителей СМИ нагнетать обстановку в относительно спокойных регионах, разжигать тлеющие конфликты между проживающими здесь диаспорами.

И если в случае с Сумгаитским погромом 1988 г. и иными проявлениями межнациональной розни в том же Нагорном Карабахе курскими СМИ было проявлено полное молчание, то ситуация в Грузинской ССР, вызванная решением абхазцев о выходе из состава республики, все же частично засветилась в региональной периодике. Речь идет о размещенной в номере газеты «Курская правда» от 16 апреля 1989 г. выдержке из выступления Э.А. Шеварднадзе на Пленуме ЦК Компартии Грузии [6, с. 1]. Перед тем как зачитать свой доклад, тогдашний министр иностранных дел СССР почтил память погибших участников столкновений, после чего отметил, что подобные эксцессы способны помешать процессам демократизации. Он пообещал, что будет проведено «тщательное, беспристрастное и всестороннее расследование» событий, которые привели к трагедии 9 апреля. По его мнению, свой вклад в дестабилизацию ситуации внесло то, что процессы реформирования властных институтов в стране только начались и у населения все еще наблюдается дефицит политической культуры.

Беспокоило министра и то, что под предлогом борьбы за демократию зачастую осуществлялась подмена ценностей, велась «игра амбиций». И далеко не всегда призывы митингующих им соответствовали: в частности, на акциях 6–9 апреля 1989 г. помимо ряда антисоветских лозунгов появлялись и явно националистические: «Долой русский империализм!», «СССР – тюрьма народов!» Однако досталось тогда не только протестующим, но и местной партийной организации. Шеварднадзе указал на то, что КПСС во многом утратила свою способность грамотно анализировать ситуацию, видеть тенденции общественного развития. Был нарушен баланс общественных интересов, что в дальнейшем и привело к «опасным перекосам и деформациям». Партия перестала слышать голоса оппозиции, вступать в споры с представителями общественности, имеющими иное мнение, решила «защищать демократию

и перестройку танками», никого не предупредив, не подготовив людей к такому шагу [6, с. 1].

Проблема межнациональных отношений стала на пятом году перестройки одной из злободневных тем. Она оказалась настолько серьезной, что использовать для ее решения старые критерии уже было невозможно. И, как подчеркнул на внеочередном пленуме сам Э.А. Шеварднадзе, при обсуждении подобных вопросов необходимо «быть свободным как от предвзятостей, так и от идеологического пустозвонства». Советскому руководству на уровне республик необходимо налаживать межнациональный диалог, опираясь на существующие традиции дружбы между народами. А партии, в свою очередь, следует воспользоваться широкой поддержкой рабочих и общественных коллективов, чтобы как можно скорее восстановить спокойствие и порядок [Там же].

К концу 1989 г. риторика советских СМИ по национальному вопросу постепенно видоизменяется: несмотря на то что былые нарративы о пролетарском интернационализме, мирном сосуществовании государств все еще активно поддерживаются (особенно ярко это проявлялось в публикациях о событиях в Афганистане [18, с. 3]), расширение контактов СССР с иностранными государствами в рамках политики «гласности» неминуемо влечет за собой усиление глобализационных процессов. В частности, на курском телевидении при обсуждении темы об организации местного отделения Советской ассоциации содействия ООН диктором было отмечено, что с каждым годом растет взаимозависимость народов и стран и в то же время усиливаются проблемы, связанные с межэтническими и межнациональными конфликтами [8, л. 64–65]. Кроме того, в сообщениях курских СМИ периода 1989–1991 гг. периодически говорится о реализации во внешней политике «национальных интересов» страны, как, например, во время проводимой под эгидой ООН операции «Буря в пустыне» по освобождению оккупированного иракской армией Кувейта [9, л. 236–237].

Сенсационными событиями следующего года становятся межнациональные конфликты в тех местах Советского Союза, где давно уже, как считалось, царил мир и спокойствие, – в Средней Азии и Приднестровье. В обоих случаях причиной столкновений («Ошская резня» 4–6 июня, «Поход на Гагаузию» 25–30 октября 1990 г.) стали требования об образовании национальной автономии для представителей того или иного народа, особом статусе его языка, преференций в деле получения земельных участков, работы и т. д. И если в центральных СМИ они освещались довольно подробно [4, с. 8; 23], то на региональном уровне данные проблемы обсуждать не стали. Вместо этого решили вновь обратиться к событиям на Кавказе.

В выпуске «Молодой гвардии» (печатный орган областного отделения ВЛКСМ) от 30 января 1990 г. была опубликована информация о приеме беженцев. Не скрывая своих эмоций, пострадавшие от войны армяне, жившие с самого детства в Баку, заявляли о том, что по телевизору показывают в лучшем случае треть всей правды. Травматический опыт пережитого ими «Черного января» (армянских погромов в азербайджанской столице в начале 1990 г.) серьезно отразился на их психике. Звуки, издаваемые машинами при чистке снега под окнами гостиницы, казались им гудящей военной техникой. За два месяца до вынужденного переезда им приходилось провожать детей в школу, чтобы по дороге с ними ничего не случилось. Армянам-военнослужащим стало небезопасно появляться на улицах столицы в военной форме, были укреплены все блокпосты и казармы, куда начали стекаться беженцы. В городе царил атмосфера страха, азербайджанцы собирались в небольшие группы, выкрикивали оскорбления в адрес армян, рисовали националистические лозунги на стенах домов, порой даже применяли насилие в отношении представителей других

народов. В конце статьи была сделана ремарка, что делать какие-либо выводы, давать советы пока рано, однако не следует поддаваться эмоциям, необходимо думать, как и почему все это стало возможным [3, с. 1].

В газетной статье под названием «Тбилиси – год спустя» приводились воспоминания пожилого грузина, участвовавшего в митингах 6–9 апреля 1989 г. Он рассказал, что в ответ на жестокое обращение прибывших солдат Советской армии с жителями столицы начал вместе с некоторыми людьми кидаться в них камнями и брусчаткой. Один из них даже попал в голову одному из солдат, ранив или даже убив последнего. В тексте также говорилось, что 9 апреля 1990 г. в городе было решено устроить траурный митинг и панихиду по погибшим, для их освещения были приглашены даже иностранные СМИ. При этом по Тбилиси в преддверии годовщины тех страшных событий ходили слухи, что в больницах были подготовлены места на случай очередных столкновений с армией и милицией, а по окраинам города якобы были расконцентрированы войска [7, с. 2–3].

Подогрели национальные чувства многих сторонников идеи отделения от СССР и преобразования своей союзной республики в независимое государство «Январские события» 1991 г. в Вильнюсе. По истечении срока действия моратория на ранее принятый местным парламентом «Акт Верховного Совета Литовской Республики о восстановлении Литовского государства» [1] в республиканскую столицу были направлены советские войска. Подобный шаг М.С. Горбачева вызвал широкий общественный резонанс, нашедший отражение в многочисленных газетных статьях, радио- и телеэфирах. Не обошло стороной и Курскую область. Впрочем, местные СМИ не стали прямо поддерживать какую-либо сторону и заняли довольно осторожную позицию.

16 января телеведущая Л. Кутыкина зачитала в прямом эфире небольшое сообщение, подготовленное Курским областным комитетом защиты мира, где содержался призыв к скорейшему прекращению конфликта. Была дана рекомендация по защите прав человека любой национальности, организации диалога между литовской компартией и сторонниками независимости для достижения гражданского мира и спокойствия [9, л. 186]. На следующий день телезрителям был представлен опрос жителей г. Курска на тему их отношения к событиям в Прибалтике. Большинство прохожих тревожила тяжелая обстановка в Литве, некоторые даже высказались о том, что ситуация будет постепенно ухудшаться. Однако по поводу ввода войск в Вильнюс мнения разделились: часть людей посчитала, что подобный подход может позволить стабилизировать ситуацию, другие же, напротив, полагали, что это лишь усугубит ситуацию, и единственным выходом им казался переговорный процесс между правительством Ландсбергиса и Комитетом национального спасения с проведением в дальнейшем референдума о выходе из состава Советского Союза [9, л. 213–215].

Чуть более подробную картину давали местные радиозаписи от 12 и 15 января 1991 г. В первом случае была зачитана телеграмма вице-президента СССР Г.И. Янаева, где говорилось о том, что в Литве «проводится курс на восстановление буржуазного строя и порядков, противоречащих интересам народа республики». Здесь же содержался призыв к Верховному Совету Литовской ССР отменить все антиконституционные акты, а также законы, направленные на дискриминацию русского и польского населения, такие как полный перевод делопроизводства на литовский язык, запрет занимать ту или иную государственную должность выходцам из других республик, лишение советских граждан прописки и т. д. Янаев прямым текстом говорил о сепаратистских устремлениях нового литовского руководства, попытках разжигания межнациональной розни. Далее последовало

небольшое обсуждение данной темы с приглашенными к участию в прямой трансляции гражданами Литовской ССР [10, л. 76–77].

Военнослужащий А.Н. Зимин с ходу заявил, что пора «твердой рукой» наводить порядок. Антинародную политику Ландсбергиса, «экстремиста», как он выразился, не поддерживает около 75 % населения республики. В его выступлении также промелькнули следующие слова: «...да это не только в Литве, это во всех Прибалтийских республиках, и взять Молдову – Союз наш на грани развала...» Впрочем, мнения разделились: В.Т. Кузнецова, более четверти века руководившая промышленным предприятием в Литовской ССР, высказалась против кровопролития и не поддержала ввод войск в столицу и главные города республики. Ее комментарий был таков: «...Литовцы мне пишут. Если бы было что-то, вот такое, против русских, так они бы мне не писали... Так что национализма между литовцами, русскими, которые работники, не “верхушка” как было, так и осталось...» [10, л. 77–81].

15 января 1991 г. сотрудники курского радио решили взять небольшое интервью у ветерана Великой Отечественной войны и бывшего военного корреспондента В.Я. Хотенкова. В выступлении он обратился к своему боевому пути, поведав слушателям о том, как шло освобождение Литвы от немецко-фашистских захватчиков. В эфире им была произнесена довольно эмоциональная фраза: «...Не могу понять, как бывшие фронтовики и внуки воинов 16-й дивизии поддались националистическим и сепаратистским идеям, которые пропагандирует “Саюдис”». Раскол страны, по его мнению, чреват обострением напряженности, падением жизненного уровня всех проживающих на ее территории народов. В связи с этим необходимо прислушаться к обращению Президента СССР М.С. Горбачева и скорейшим образом добиться стабилизации политической и экономической обстановки [10, л. 173–174].

Затмившей национальный вопрос, но в то же время тесно с ним связанной темой во всех советских СМИ в конце 1990 – середине 1991 гг. стала проблема разработки и принятия нового союзного договора. Первоначально она ограничивалась отдельными обсуждениями на партийных собраниях, но уже вскоре приобрела характер всенародной дискуссии. Так, в статье «Каким быть Союзному договору?» от 27 сентября 1990 г. говорилось о том, что на совместном заседании палат Верховного Совета СССР было принято решение сделать приоритетом формирование в стране «новых, демократических и гуманных межнациональных отношений». Целью такого договора, в свою очередь, должно было стать обеспечение социальных гарантий, прав и свобод для всех граждан Союза независимо от места их проживания и национальности [2, с. 1]. На страницах последующих выпусков областной газеты все чаще можно было встретить эмоциональные отзывы граждан касательно серьезного обострения национального вопроса, стремления найти причины столь плачевной ситуации, в условиях которой приходится решать дальнейшую судьбу страны [5, с. 4]. На этом фоне некоторые припомнили проект переустройства России, предложенный А.И. Солженицыным, хотя и отнеслись к нему весьма скептически [12, с. 3], другие предлагали альтернативные варианты [24, с. 2]. Принятая с учетом многих поправок версия договора, предусматривавшего создание Союза Суверенных Государств [14], должна была быть официально утверждена 20 августа 1991 г., однако этому помешали действия ГКЧП. И если сами путчисты в своих официальных заявлениях в СМИ утверждали, что они стремятся спасти страну от «общенациональной катастрофы» [11], то после провала госпереворота обвинения в развале страны, усилении националистических тенденций в республиках стали поступать уже в их адрес [13, с. 1]. «Новоогаревский процесс» хотя и не остановился, но после Августовского путча стал скорее формальностью, интерес к которому уже почти никто не проявлял. Перестройка подошла к своему концу, Советский Союз стал стремительно распадаться, республики

одна за одной объявляли о своей независимости, создавали новые органы власти, делили федеральное имущество. И во многих случаях решать национальный вопрос, острота которого к концу 1991 г. нисколько не снизилась, теперь предстояло уже руководству новых, постсоветских государств.

Подводя итоги, необходимо сказать о том, что обсуждение проблемы межэтнических и межнациональных взаимоотношений в СМИ – одна из важнейших составляющих информационной политики. Как мы видим, на протяжении всего советского периода она была неоднородной, вначале по большей части поддерживавшей различные инициативы власти, а ближе к концу перестройки порой и вовсе занимающей прямо противоположную позицию. Между тем само освещение проблем, связанных с национальными конфликтами как в центре, так и на местах, должно осуществляться систематически, максимально открыто, с привлечением к диалогу всех противоборствующих сторон и равнодушных лиц. Лишь в таком случае оно способно стать для руководства страны индикатором того, что в какой-то момент что-то пошло не так. Пропаганда же, хотя она и бывает весьма полезна для определенных целей, в конечном счете сводится к тому, что озвучиваемые в СМИ тезисы настолько сильно начинают различаться с действительностью, что все новые и новые публикации, теле- и радиосюжеты начинают попросту надоедать, вызывать у граждан недоумение, недовольство сложившейся ситуацией, а порой и прямую агрессию по отношению к представителям власти или другим народам. И главное, чему нас научил опыт перестройки: не только замалчивание проблем чревато непредвиденными последствиями, но и резкое, зачастую непродуманное и неконтролируемое изменение информационной политики государства способно пробудить те давние межнациональные противоречия и подчас животные инстинкты, которые сосредоточены в самых глубинах общественного сознания.

Библиографический список

1. Акт Верховного Совета Литовской Республики о восстановлении Литовского государства [Электронный ресурс]. – URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.73778?jfwid=2r1m4yi6> (дата обращения: 27.10.2024).
2. Аладинский, А. Каким быть Союзному договору? / А. Аладинский, Б. Грищенко // Курская правда. – 1990. – 27 сентября. – С. 1.
3. Асмолов, М. Беженцы / М. Асмолов // Молодая гвардия. – 1990. – 30 января. – С. 1.
4. Беспорядки продолжают // Правда. – 1990. – 8 июня. – С. 8.
5. Вы и «Союз» // Курская правда. – 1990. – 10 октября. – С. 4.
6. Выступление тов. Э. А. Шеварднадзе на пленуме ЦК Компартии Грузии 14 апреля 1989 г. // Курская правда. – 1989. – 16 апреля. – С. 1.
7. Гонголевич Г. Тбилиси – год спустя / Г. Гонголевич // Молодая гвардия. – 1990. – 24 апреля. – С. 2–3.
8. Государственный архив Курской области (далее ГАКО). – Ф. Р-3705. – Оп. 5. – Д. 3124.
9. ГАКО. – Ф. Р-3705. – Оп. 5. – Д. 3314.
10. ГАКО. – Ф. Р-3705. – Оп. 5. – Д. 3335.

11. Заявление Советского руководства от 18 августа 1991 г., зачитанное в эфире всесоюзного радио в первый день путча [Электронный ресурс]. – URL: <http://staroeradio.ru/audio/18326> (дата обращения: 01.11.2024 г.).
12. *Игнатов А.* Проект новой России? / А. Игнатов // Курская правда. – 1990. – 16 октября. – С. 3.
13. «Известия» о «Городских известиях» // Городские известия. – 1991. – 24 августа. – С. 1.
14. Итоговый вариант Договора о создании Союза Суверенных Государств [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gorby.ru/userfiles/08_dogovor_o_soyuze_suverennyh_gosudarstv.pdf (дата обращения: 01.11.2024).
15. *Козьменко, В. М.* Эволюция межнациональных отношений и национальной политики в СССР в 1920-х – 1991 г. / В. М. Козьменко, В. И. Цай // Вестник РУДН. История России. – 2012. – № 2. – С. 120–131.
16. Конституция СССР 1977 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm> (дата обращения: 21.10.2024).
17. *Крупская, Н. К.* Памяти А. И. Свидерского / Н. К. Крупская // Правда. – 1933. – 11 мая. – С. 2.
18. *Кувалдин, Г.* Трудные дни Афганистана / Г. Кувалдин // Курская правда. – 1989. – 22 апреля. – С. 3.
19. *Ленин, В. И.* К вопросу о национальной политике / В. И. Ленин // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Том 25. – М.: Изд-во политической литературы, 1969. – С. 64–72.
20. *Мусаева, С. М.* Национальный вопрос в культурной политике России эпохи перестройки / С. М. Мусаева // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 2019. – № 4 (204). – С. 64–69.
21. Нагорный Карабах. Ситуация по состоянию на 23 июля 1988 г. (фрагмент программы «Время») [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=iM26m6YzUy4> (дата обращения: 23.10.2024).
22. Обращение тов. Горбачева М. С. // Правда. – 1989. – 14 апреля. – С. 1.
23. Программа «Время». Эфир от 25 октября 1990 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=p2_9BImVfLo (дата обращения: 24.10.2024).
24. Советский Союз: три сценария // Молодая гвардия. – 1990. – 3 июля. – С. 2.
25. Сообщение из Алма-Аты // Курская правда. – 1986. – 19 декабря. – С. 3.
26. *Субботин, А.* Лишенные Родины. Сионизм у позорного столба / А. Субботин // Курская правда. – 1986. – 21 декабря. – С. 3.